

19

Кудатұра. - 2002 -
23-29 мая (№20-21) - с. 9

Театр одного Кинлисайда

Камерные вечера в Большом

От волнения его рука то и дело тянулась что-то поправить, движения были порывисты, взгляд безумен. Не иначе затем чтобы совсем отравить ему пребывание на эстраде, кто-то в недрах Большого начал стучать по железу, и первый номер бедняге пришлось петь не столько в дуэте с фортепиано, сколько под аккомпанемент водопроводных труб. С одной стороны, было ясно: перед нами нервическая натура, а такие знают толк в камерной музыке, обостренно улавливая все ее настроения. С другой — не справившийся с собой астеник способен превратить свидание с искусством в муку. Англичанин Саймон Кинлисайд, закрывавший первый

сезон цикла "Камерные вечера в Большом", показался с обеих сторон.

Сказать определенно, почему он проиграл Шуберту, звучавшему в первом отделении, трудно. Может быть, не совладал с собой, а может, слишком хотел следовать традиции, которую давно культивируют земляки великого Франца, — пению на безопорном звуке. Но его немецкая природа сопротивлялась что есть мочи: полноценный звук, "выдававший" редкий по красоте голос, мешался с безопорным, и в эти минуты Кинлисайд ездил между нот, производил тембровую пестроту и рождал страшное подозрение: а не тенор ли это, с нелегкой руки ка-

кого-нибудь педагога превратившийся в баритон? Но какова бы ни была причина, а Шуберт (который у камерных исполнителей, что Бах у инструменталистов, — демонстрация школы) англичанину не дался. Забыв, что неблестящий исполнитель Баха может быть блестящим романтиком или импрессионистом, часть публики покинула зал. Но оставшиеся были вознаграждены.

Освободившись от волнения (или гнета традиции), Кинлисайд сначала в брамсовских песнях, а потом в песнях Форе разлился совершенным соловьем. И наконец сказал, почему его так жалуют на всех первых сценах мира. У него действительно обая-

тельный лирический баритон. У него изумительная вокальная пластика. У него отличное слово, передающее аромат чужой речи — немецкой, французской, итальянской. У него в самом деле обостренное чувство образа, благодаря которому даже в шлягерных номерах — шубертовской "Серенаде" и в "Бабочке и цветке" Форе была непредсказуемость. Что уж говорить о незапетом, составлявшем львиную долю его программы (подобранной вообще со вкусом и в соответствии с неким замыслом, во всяком случае, каждый блок песен завершала серенада, бывшая объяснением в любви автору, а заодно композиционной отбивкой: прощай, мон-

шер, но не печалься, потому что за последней нотой — утро завтрашнего дня, то бишь новая песня)... Единственно, что так и не выправилось в ходе концерта, — это аккомпанемент. Сколь тонким и притягательным художником был вокалист, столь коряво выглядела его партнерша. И хотела Кэролайн Даудл "петь", как Кинлисайд, да все-то ее фортепианные рулады оборачивались грубым галопированием или топорной кантиленой. Вот вам и загадка: как можно так чутко слышать музыку веков и не слышать, что играют в двух шагах от тебя. Ответ за Кинлисайдом.

Лариса ДОЛГАЧЕВА